

В настоящее время проблемы вербализации эмоций стали объектом интенсивного анализа в когнитивной лингвистике. Заложены теоретические основания определения базовых эмоций с использованием семантических примитивов [3], с применением теории метафоры и фреймового представления вербализации эмоций [1], [6], [8], [9] и др. Установлен когнитивный характер категории эмотивности, выделены эмоциональные концепты [5], однако их толкование требует дальнейшего уточнения. Данная статья посвящена когнитивному анализу речевых актов экспрессивов (РАЭ), служащих выражению презрения. Ее целью является моделирование прототипического сценария вербализации данной эмоции в дискурсе, а также определение инварианта РАЭ презрения.

Инвариант РАЭ негативной эмоциональности представляет собой обобщенную исторически постоянную модель. Для определения ведущих аспектов модели экспрессивов негативной эмоциональности берем за основу предложенную И. С. Шевченко модель речевого акта [7].

Исходя из того, что интенция любой прагматической разновидности РАЭ негативной эмоциональности является сложным механизмом, имеющим когнитивную основу, ее формирование и реализацию РАЭ негативной эмоциональности в конкретной ситуации речи представляем в виде прототипического сценария. Тогда формирование интенции и реализации РАЭ презрения представляем в виде следующей схемы:

воздействующий стимул (физическое либо ментальное восприятие ситуации, вызывающей презрение) → оценка данной ситуации как нежелательной для субъекта → переживание презрения, обусловленное данной ситуацией и ее оценкой → РАЭ презрения как речевая реакция [2, с. 76].

Воздействующим стимулом презрения является некоторое действие, составляющее конкуренцию / соперничество субъекту либо не соответствующее стандартам цивилизованного поведения. Он оценивает данное действие как враждебное и неприемлемое. Объект презрения обесценивается в глазах субъекта, при этом одновременно возрастает собственная значимость субъекта, его превосходство над объектом презрения. То есть, данная эмоция есть результат когнитивного диссонанса между слишком высокой самооценкой, преувеличением собственной значимости, превосходством «Я» и недооцениванием, преуменьшением значимости других членов общества: $E_{\text{презрение}} = f[\Pi, (I_{\text{самооценка}} > I_{\text{оценка другого}})]$ (где E – эмоция, f – функция, Π – пропозиция, I – информация). Это в свою очередь приводит к переживанию презрения, которое практически не проявляется в физиологических реакциях организма субъекта, поскольку это самая «холодная эмоция» [4, с. 283]. Данное состояние сопровождается желанием показать собственную значимость, нанести объекту презрения моральный ущерб, изменить его поведение. Это желание, в свою очередь, осуществляется с помощью вербального выражения презрения (которое сопровождается попыткой субъекта стать выше, выпрямиться, а иногда усмешкой), причем говорящий сознательно демонстрирует надменную или снисходительную манеру общения с объектом презрения.

В подавляющем большинстве РАЭ презрения отмечают в неофициальных ситуациях, когда социальные статусы коммуникантов равны, либо в ситуациях, когда статус адресата ниже, хотя встречаются случаи, когда статус говорящего ниже, чем статус адресата.

Например, король Макбет говорит перепуганному солдату:

Macbeth. Those linen cheeks of thine are counsellors to fear (Shak., Macbeth, V, 3, 18-19).

– дворянин обращается к королю Макбету, зная о его злодеяниях:

Macduff. /.../ thou bloodier villain Than terms can give thee out! (Shak., Macbeth, V, 8, 9-10)

– разговор двух служанок:

«I don't trust to them governesses, Pinner,» she said to the maid. «They give themselves the hair and hupstarts of ladies, and their wages is no better than you nor me» (Thackeray).

Презрение также может вербально выражаться в ситуациях, когда слушающий отсутствует, например, после того, как ушел человек, которому адресовано данное высказывание:

Pinchwife. Go thy ways, for the flower of the true town fops, such as spend their estates before they come to 'em and are cuckolds before they're married (Wycherley).

Как видно из приведенных выше примеров, по объекту направленности РАЭ презрения подразделяются на четыре подтипа: направленные на слушающего, на третье лицо / группу лиц, на самого себя, на неодушевленный предмет / абстрактное понятие.

Приведем примеры двух последних ситуаций: так, муж презирает себя за то, что не может заставить жену ему повиноваться:

Sir Peter. Oh, I am the most miserable fellow! (Sheridan)

– Джонсон высказывается о языке пьес драматурга:

Johnson. /.../ And, when he comes to what he calls «good language», it is, as I told thee, very fantastical, most abominably dull, and not one word to the purpose (Villiers).

Иногда презрение испытывают по отношению к членам семьи – в большинстве случаев супруги презирают друг друга (1), реже родители – детей (2), а также братья – сестер и наоборот (3), и в отдельных ситуациях дети – родителей (4):

(1) жена говорит мужу:

Lady Teazle. And I am sure I was a fool to marry you – an old dandling bachelor, who was single at fifty, only because he never could meet with any one who would have him (Sheridan).

(2) разговор матери и сына:

«Don't you think one of the daughters would be a good spec for me, ma'am?» «You foolish creature! Who would take you, I should like to know with your yellow face?» (Thackeray)

(3) брат высказывается о сводной сестре:

Tony. Bandbox! She's all a made-up thing, mun (Goldsmith).

(4) Гамлет говорит о матери:

Hamlet. *O most pernicious woman!* (Shak., Hamlet, I, 5, 26).

Как правило, презрение вербализуется в тех ситуациях, в которых говорящему необходимо чувствовать себя сильнее, умнее, культурнее, лучше, чем презираемый им человек. Поводом для реализации иллюкутивной силы презрения являются ситуации, вызывающие ревность, жадность, зависть.

Так, например, молодой человек, увидев свою девушку, возвращающуюся домой в компании другого мужчины, выражает свою ревность через презрение:

«Here you are with this clown and a suitcase, obviously just back from a weekend of fun» (Michaels).

Помимо этого, презрение, как правило, вызывают:

▪ черты характера (глупость, трусость, никчемность, бесхарактерность, нудность, флегматичность):

Quarulous. Ha' not to do with him: for he is a fellow of a most arrogant and invincible dullness, I assure you (Jonson).

«It was a coward blow,» returned Matcham (Stevenson).

▪ черты внешности (излишне толстые, коротышки, неуклюжие и т. п.):

Marlow. *The son, an awkward boody, reared up and spoiled at his mother's apron-string* (Goldsmith).

«Hulloa, fatty» (Maugham).

▪ нарушение социальных норм (мошенники, женщины легкого поведения), например, мать говорит мужу о дочери, сбежавшей из дому с любовником:

«No, let the strumpet live with her vile seducer»(Goldsmith).

▪ предубеждения и предрассудки (классово-социальные, расовые, этнические, религиозные, сексуальные):

Corvino. *Has he children?*

Mosca. *Bastards, some dozen, or more, that he begot on beggars, Gipsies and Jews, and black-moors, when he was drunk* (Jonson).

Актом исходной постакторечевой интенции служит показ собственного превосходства над объектом презрения.

Так, ревнуя любовника к подруге, женщина говорит:

Loveit. *Women, as well as men, all are false – or all are so to me, at least* (Etherege).

Конечная постакторечевая интенция связана с самоотстранением, созданием расстояния между собой и источниками презрения, игнорированием объекта презрения и даже получением удовольствия от собственного превосходства.

Например, жена презирает и отстраняется от собственного мужа из-за его слабости к азартным играм и потери всего состояния:

«As your daughter has pointed out,» Edwina said with stinging sarcasm, «you are no longer the master here!»(Trent)

– женщина сознательно пытается унижить слушающих и получает удовольствие от собственной смелости и произведенного эффекта:

«I thought you guys were the umpires». She got up. «Obviously I was wrong. You're more like security goons». He winced, then grabbed his clipboard and stood up (D. Gordon)

Акты исходной акторечевой интенции для РАЭ презрения, выражаемых косвенными способами, связаны с буквальным иллюкутивным значением высказываний – сопутствующей иллюкутивной силой:

1) спрашивание: в ответ на утверждение о том, что его племянник имеет чувство сострадания к другим, сэр Питер восклицает:

Sir Peter. *Psha! What signifies his having an open hand or purse either, when he has nothing left to give?* (Sheridan)

2) предположение: солдат говорит о трусливом поведении собеседника:

«Let there come a stronger, we will see you truckle at his boot!» (Stevenson)

3) обещание: тетя обещает своей племяннице, от которой сбежал муж:

«He'll come back with his tail between his legs and settle down again quite comfortably»(Maugham).

В отдельных случаях иллюкутивную силу выражения презрения можно определить лишь при наличии соответствующей коммуникативной компетенции, поскольку высказывание может иметь форму констатива, не содержащего каких-либо маркеров эмотивности.

Так, например, слушающий определяет иллюкутивную силу следующего высказывания только зная, что названный район города не является фешенебельным, а презрение женщины, произносящей данное высказывание, вызвано тем, что она живет в фешенебельном районе и вследствие этого считает собеседника недостойным ее внимания:

«You live in West Egg,» she remarked contemptuously (Fitzgerald).

В следующем примере женщина, стоящая на коленях перед мужчиной, вызывает презрение у вошедшей в комнату другой женщины, поскольку вполне приемлемым считалось, когда мужчина стоял на коленях перед женщиной, предлагая ей руку и сердце, а не наоборот. Свое ЭС она передает простой констатацией увиденного:

«It is the lady on the ground and not the gentleman,» Miss Crawley said, with a look and voice of great scorn (Thackeray).

Исходная и конечная постакторечевая интенция данных высказываний определяется с помощью контекста. Это может быть:

▪ самозащита: один из пойманных преступников, выполнявших приказы богатого и знатного господина, который в данной ситуации делает вид, что он их не знает и перекладывает всю вину на них, произносит:

«What 'Squire,» cried he, «are you ashamed of your two old acquaintances, Jenkinson and Baxter?» (Goldsmith)

▪ унижение объекта презрения:

Mosca. *Hear you, do you not know I know you an ass, and that you would most fain have been a wittol if fortune would have let you? that you are a declared cuckold, on good terms? (Jonson)* (человек, к которому обращены эти слова, оскорбившись, сразу же уходит)

Исходная постакторечевая интенция высказываний, выражающих презрение, направленное на самого говорящего, заключается в желании изменить собственное поведение:

«*Are you such a wimp?*» she asked herself (Michaels).

По месту в дискурсе негативной эмоциональности прагмасемантическая разновидность РАЭ презрения, по нашим данным, редко употребляется в начале / середине речевого общения. Поскольку конечной постакторечевой интенцией высказываний, выражающих презрение, как правило, является дистанцирование, то чаще всего он замыкает речевую интеракцию.

Например, управляющий округом говорит одному из своих подчиненных:

«*We must ride before curfew. Look to it right well! I know you for a man of naught*» (и не дожидаясь ответа отдает приказание другим) (Stevenson).

Высказывания, выражающие презрение, в некоторых ситуациях могут служить и для продления речевой интеракции:

Horner. *But what say the ladies? have they no pity?*

Narcourt. *What ladies? The vizard-masks, you know, never pity a man when all's gone, though in their service.*

Dorilant. *And for the women in the boxes /.../ (Wycherley)*

Стратегии вежливости, по полученным данным, для РАЭ презрения не характерны. Произнесение подобных высказываний предполагает нанесение сознательного ущерба «лицу» объекта презрения, поэтому такие высказывания не смягчаются говорящим.

Если же презрение направлено на третье лицо, а не на слушающего, тогда слушающему данное высказывание никакого ущерба не несет, что также освобождает говорящего от необходимости употреблять какие-либо стратегии вежливости.

Таким образом, проведенный анализ позволил определить сложный механизм формирования интенции и реализации прагмасемантической разновидности РАЭ презрения. Перспективой для дальнейшего исследования является аналогичный анализ вербализации иных эмоций в дискурсе, а также изучение механизмов формирования интенции и реализации различных речевых актов.

Источники и литература

1. Апресян Ю. Д. Эмоциональная система // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. – М.: Шк. «Яз. Рус. культуры», 1995. – Т. 2. – С. 366-373.
2. Быценко Т. А. Историческая динамика экспрессивов негативной эмоциональности в английском дискурсе XVI–XX вв.: Дис. ... филол. филол. наук: 10.02.04. – Х., 2003. – 210 с.
3. Вежбицкая А. Язык, культура, познание: Пер. с англ. – М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.
4. Изард К. Е. Психология эмоций: Пер. с англ. – СПб.; М.; Х.; Минск: Питер, 2002. – 460 с.
5. Красавский Н. А. Концепт «печаль» (опыт лингвокультурологического анализа русских и немецких пословиц) // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносоциализма: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2002. – С. 10-23.
6. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или Где эмоция – там и когниция / В. З. Демьянков, Л. В. Воронин, Д. В. Сергеева, А. И. Сергеев // С любовью к языку: Сб. науч. Тр.: Посвящается Елене Самойловне Кубряковой / РАН. Ин-т языкознания, Воронеж. гос. ун-т. – М.; Воронеж, 2002. – С. 29-36.
7. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение XVI–XX вв.: Монография. – Х.: Константа, 1998. – 168 с.
8. Kövecses Z. *Emotion concepts*. – New York etc.: Springer-Verlag, 1990. – 344 p.
9. Lakoff G., Kövecses Z. *The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought*. – Cambridge: CUP, 1987. – P. 195-221.

Варинська А. М.

ОСОБЛИВОСТІ МОВНОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ ХУДОЖНЬОГО СВІТОБАЧЕННЯ М. ХВИЛЬОВОГО

Нова ментальність у просторі мистецтва першої половини ХХ століття акцентувала увагу на невідповідності між ідеологічним мисленням і протиріччями дійсності. Протест проти беззастережного слідування реалістичним принципам художньої форми привів до серйозного переосмислення суті мистецтва. Як образно зауважив Микола Хвильовий: «Вмирала стара форма, як лицарство, як запорожці. По таємним лабіринтам мистецтва мчав вітер із незнаного краю» [5, с. 312]. Руїнування класичних зразків або їх незвична інтерпретація; деталі, які порушували узгодженість плану оповіді і принцип відбору суттєвого; відкриття нових мовних парадигм, активне використання символів; потенційна безліч асоціативних рядів, емоційно-оцінна класифікація явищ дійсності були основою особливого культурного простору прози початку ХХ століття, передавали сприйняття світу та ставлення до нього автора-творця. Тому *проблема організації мовних засобів* у художній прозі цього періоду уявляється надзвичайно цінною і актуальною.

Письменники початку ХХ століття високо підняли ціну слова. Слово неначе відкрило в собі свою прадавню загадку, цільність, свої найнесподіваніші значення, асоціативні першозв'язки. Мова цього періоду починає функціонувати в художніх творах виняткової новаторської сили та глибини. Репрезентація Я-автора відбувається на рівні образно-концептуального світобачення. Проблема естетичної організації мовних засобів пов'язується зі смисловим потенціалом художніх текстів.

Лінгво-когнітивний рівень безпосередньо співвідносний із свідомістю, тими знаннями й уявленнями, які мовна особистість отримує в процесі соціалізації і які являють собою основу тієї ментальності, котра транслюється від покоління до покоління.

Значна роль у трансляції культурно-національної самосвідомості народу, в типізації його світогляду належить художній літературі. Дослідження творчої спадщини майстрів слова показали, що «текст, сам собою потенційно нескінченний» [2, с.51]. Тому, як багатоаспектне явище, мова художніх творів потребує